

AUGUSTUS

Adrian
GOLDSWORTHY

ОКТАВИАН АВГУСТ

Адриан
ГОЛДСУОРТИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 930.85
ББК 63.3(0)
Г60

Adrian Goldsworthy
AUGUSTUS

First published by Weidenfeld, London.

Перевод с английского *А. Короленкова*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора, издательства
The Orion Publishing Group Ltd
при содействии литературного агентства Synopsis.

Голдсуорти, Адриан.

Г60 Октавиан Август / Адриан Голдсуорти ; [пер. с англ. А. Короленкова]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 608 с.

ISBN 978-5-17-111097-0 (С.: История в одном томе)

ISBN 978-5-17-088484-1 (С.: Страницы истории)

Гай Октавиан Август, создатель самого мощного государства Древнего мира...

Он не щадил никого — и в первую очередь себя — ради достижения великой цели.

Но как он стал «отцом отечества» — основателем великой Римской империи?

В поисках ответа на это вопрос Адриан Голдсуорти привлекает самые современные находки исследователей истории Древнего Рима — свидетельства как документальные, так и археологические.

УДК 930.85

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-17-111097-0 (С.: История в одном томе)

ISBN 978-5-17-088484-1(С.: Страницы истории)

© Adrian Goldsworthy, 2014

© Перевод. А. Короленков, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

БЛАГОДАРНОСТИ

Многие идеи, изложенные в этой книге, вынашивались не один год. В конце первого года моего обучения в Оксфорде я начал посещать курс по истории Рима эпохи Августа. Его блестяще вел мой преподаватель Николас Перселл. Он впервые познакомил меня с внушительным «Топографическим словарем Древнего Рима» Платнера и Эшби (1929). В последующие годы я посещал лекции, семинары и консультации таких ученых, как Алан Боуман, Мириам Гриффин, Фергюс Миллар, Барбара Левик, Эндрю Линтотт и Дэвид Стоктон, и все они помогали мне лучше понять Древний мир вообще, а также Августа и его эпоху в частности. Ссылки на труды всех этих исследователей можно найти в примечаниях в конце книги, и я считаю себя в большом долгу перед многими другими учеными, чьими книгами и статьями я пользовался.

Если же говорить о более конкретных вещах, то я должен поблагодарить тех, кто помогал мне при написании предлагаемой биографии. Это мой старый оксфордский друг Филип Матьшак с его интересными идеями касательно работы римского сената. Он постоянно отрывался от своей писательской деятельности, находил время прочитать мою рукопись и сделать полезные замечания. Аналогичным образом и Ян Хьюгс взял на себя огромную работу по просмотру текста книги редакторским глазом и также сделал замечания, способствующие его лучшему пониманию. Кевин Пауэлл внимательно прочитал весь текст, обращая внимание как на детали, так и на общую картину. Другой мой большой друг, Дороти Кинг, выслушала немало соображений в то время, как я их вынашивал, неизменно сопровождая их остроумными и проницательными комментариями, а также помог-

ла мне, предоставив некоторые фотографии. Я должен также поблагодарить мою матушку за ее профессионализм корректора и мою жену за вычитку некоторых разделов. Они и все другие члены моей семьи и друзья последние несколько лет жили вместе с Августом, и я особенно благодарен им за их поддержку.

Как всегда, я должен поблагодарить и своего агента Джорджину Кэйпел за то, что у меня появилось время как следует заняться написанием этой книги и за ее неизменный энтузиазм при работе над данным проектом. Нужно также сказать спасибо моим издателям Алану Симсону в Великобритании и Кристоферу Роджерсу в США за выпуск столь красиво оформленного издания.

Наконец, я весьма обязан Дэвиду Бризу за составление родословных древ в этой книге. Основываясь на стеммах¹ из работы «Эпоха Августа» под редакцией М. Кули (2003), он не только предложил создать более подробные стеммы семейства на разных этапах, но и немало потрудился, чтобы составить их для меня. Фамильные связи родственников Августа и их современников до крайности запутанны, но эти схемы сильно облегчают их понимание.

¹ В Древнем Риме — родословное древо. — *Прим. ред.*

ВВЕДЕНИЕ

В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сириею. И пошли все записываться, каждый в свой город.

Евангелие от Луки. 2:1–3

Это краткое упоминание в истории о Рождестве Христовом было первым, что я услышал об Августе, и хотя трудно быть точным, когда речь идет о моем раннем возрасте, я наверняка был еще очень юн. Подобно большинству других людей, которые слышали или читали этот пассаж, сомневаюсь, что я особенно задумывался над ним. Лишь позднее, когда выросла моя любовь к истории, я стал испытывать особый интерес ко всему, что связано с Древним Римом. Невозможно изучать историю Древнего Рима, не столкнувшись с Августом и его наследием. Это был первый император, человек, который, наконец, заменил замаскированной монархией республику, существовавшую почти полтысячелетия. Созданная им система обеспечила империи примерно 250 лет стабильности — наиболее длительный и благополучный период, чем когда-либо. В III в. н. э. эта система пережила кризис, продолжавшийся несколько десятилетий, и выжила лишь в результате ширококомасштабных реформ, однако даже теперь «римские» императоры, которые управляли из Константинополя, чувствовали себя полноправными преемниками власти и авторитета Августа.

История Августа сколь важна, столь и драматична. Преподавая ее студентам не один год, я всегда напоминаю им, что ему не было и девятнадцати, когда он пустился по волнам безжа-

лостной политической борьбы в Риме, и был моложе любого другого начинающего политика на тот момент. Зачастую это упускается из виду, если рассказывается о том, как искусно и неразборчиво он действовал, ловко маневрируя с помощью временных союзов в годы гражданской войны. Он был внучатым племянником убитого Юлия Цезаря, который сделал его главным наследником в завещании и дал ему свое имя, что Октавиан истолковал как полноценное усыновление. В Риме не приветствовалось наследование власти, но, пользуясь своим именем, будущий принцепс объединил сторонников покойного диктатора и объявил о своем намерении унаследовать все должности и статус отца. Затем он стал упорно добиваться этого вопреки всяческим неожиданностям и противодействию более опытных противников. Последним из них оказался Марк Антоний. Он потерпел поражение и погиб в 30 г. до н. э. Молодой кровожадный полководец эпохи гражданских войн сумел стать любимым всеми защитником государства, взяв себе имя Августа со всеми связанными с ним религиозными коннотациями, и в конце концов получил прозвище «отца отечества», превратившись скорее в объединяющую, нежели разъединяющую граждан персону. Август сохранял в своих руках высшую власть в течение сорока четырех лет — весьма долго для любого монарха, — и когда он умер в весьма почтенном возрасте, ни у кого не вызывало сомнений, что место принцепса займет его наследник. Однако, несмотря на свою неординарную биографию и огромное влияние на историю империи, которая сформировала культуру западного мира, Цезарь Август не обрел своего места в массовом сознании. Для большинства людей он остается лишь тем, кто упоминается во время рождественских служб или во время школьных инсценировок на ту же тему, и ничем более. Мало кому есть дело до того, что месяц июль назван в честь Юлия Цезаря, но еще меньше тех, кто знает, что август носит имя императора Августа. Юлий Цезарь знаменит, то же можно сказать об Антонии и Клеопатре, Нероне, Александре Великом, Ганнибале, возможно, Адриане, некоторых философах, но не об Августе. Одна из причин этого состоит в том, что Шекспир не написал пьесы о нем — возможно, потому, что в жизни этого человека, дожившего до преклонных лет и умершего в своей постели, не было чего-то особенно трагического. Он появляется под име-

нем Октавия в «Юлии Цезаре» и как Цезарь в «Антонии и Клеопатре», но ни в одной из пьес в его характере нет ничего особенно привлекательного, в отличие от Брута, Антония, или даже менее важных персонажей вроде Агенобарба. Его образ нужен преимущественно для контраста Антонию — слабый, даже малодушный, но хладнокровный и ловкий, тогда как последний храбр, силен физически, простодушен и горяч. Этот контраст был подмечен уже в античных источниках, и восходит он еще к пропаганде времен гражданской войны. В современных трактовках эти тенденции только усилились — мысль о хладнокровных, с оттенком садизма поступках владела Родди Макдауэллом при создании эпической кинокартины «Клеопатра» (1963)¹.

Расчетливый, хитрый, совершенно безжалостный — таков Август, и он заставляет зрителей симпатизировать Антонию и Клеопатре, а их смерть кажется еще более трагической, поскольку в конечном счете это история о них. Ни один спектакль, фильм или роман, где одним из главных персонажей является Август, не захватывает воображение публики. А в романе Роберта Грейвза «Я, Клавдий» и его прекрасной инсценировке на Би-би-си, которая теперь многим известна, он просто выделяется среди второстепенных персонажей, не более того. Эта трактовка вызывает куда больше сочувствия к Августу, и здесь он играет иную роль. Это простой, живой, эмоциональный и в общем почти всегда приятный пожилой человек, игрушка в руках Ливии, его жестокой жены-интриганки. Подобные сюжеты весьма увлекательны и захватывающи, однако сами по себе они не позволяют разобраться, почему Август был значительной фигурой и почему в молодости он манипулировал другими, а в старости позволил манипулировать собой.

Жизнь Августа этим отнюдь не исчерпывается, и ее длинную историю никак не назовешь скучной. Одной из самых больших ошибок было бы считать неизбежным конечный успех наследника Цезаря исходя из его политического гения или (это устаревшая точка зрения) общих тенденций, которые рано или поздно должны были привести к созданию монархии. Кого-то долголетие Августа, как и его успех (особенно в ранние годы),

¹ В недавнем мини-сериале «Рим» (2006–2007 гг.) молодой Октавий выглядит несколько более симпатичным персонажем, хотя когда в другом сезоне его играет актер постарше, он становится холоднее и расчетливее. Его садизм очевиден, когда он говорит своей новой любовнице Ливии, что ему доставит наслаждение причинять ей боль, когда они занимаются любовью.

удивляет. Чаще мы видим в нем азартного игрока, нежели осторожного любителя строить планы. Август не раз шел на риск, особенно во время гражданских войн, и не всегда этот риск оправдывался. В нем было больше от Цезаря, нежели порой считается — не в последнюю очередь это касается его умения выпутываться из ситуаций, которые он сам же создавал. Кстати, нет никаких свидетельств того, что у него имелся продуманный план создания нового политического режима; вместо этого мы видим импровизацию, эксперименты, формирование новой системы методом проб и ошибок, где случай играл почти такую же роль, как и планы. Образ холодного манипулятора быстро исчезает, как только мы взглянем на человека, который старался, и не всегда успешно, сдерживать свои страсти и унять горячий темперамент. Таков был Август, когда имел связь с замужней и беременной Ливией, которую сделал своей женой, разведя ее с супругом, а затем велел этому человеку председательствовать на их свадьбе всего через несколько дней после того, как она решилась от бремени. Такого можно было бы ожидать скорее от Антония или даже, скорее, от Нерона, правнука Марка Антония и сестры Августа.

Наряду с любовными страстями известна и его невероятная жестокость. И Август¹, и Антоний, и их сотоварищ по триумвирату Лепид — все они были виновны в массовых убийствах во времена проскрипций — «все, что отмечены, умрут», как сказано у Шекспира² — и во многих других случаях. То, что другие военачальники того времени редко вели себя более милосердно, не оправдывает их свирепости. Зачастую трудно симпатизировать молодому Августу несмотря на его умеренность в последующие года, примирить эти его качества многим современным биографам очень нелегко. Зачастую эффективным решением является разделение его жизни на две части. Возвышение до битвы при Акции представляет собой отличный материал для изложения — сражения, интриги, хорошо известные персонажи — Цицерон, Брут, Секст Помпей, Клеопатра. Многие биографы хотят побыстрее «проскочить» эти годы и перейти к более позднему времени, к темным интригам, связанным с вопросом о выборе наслед-

¹ На тот момент, разумеется, Цезарь Октавиан (хотя сам себя он этим именем не называл — только Цезарем), Августом он станет только в 27 г. до н. э. (см. ниже). — *Прим. пер.*

² *Шекспир У.* Юлий Цезарь. Акт IV. Сцена 1. Пер. П. Козлова.

ников, и не случайно, что эти две примечательные истории отражают темы, избранные Шекспиром и Грейвзом. Другие авторы, обычно из академической среды, также заканчивают изложение на 30 г. до н. э., а применительно к остальной части его жизни обсуждают более общие вопросы — например, «Август и сенат», «Август и провинции», «Август и религия».

В академической среде есть не так много любителей писать биографии несмотря на то — а отчасти, возможно, именно потому, — что они рассчитаны на гораздо более широкий круг читателей. Я написал свою биографию Юлия Цезаря потому, что прежние книги о нем не были вполне удовлетворительными — им либо недоставало детальности, либо они затрагивали только один аспект его жизни. Каждый рассматривал либо его политическую, либо военную карьеру, но никогда и то, и другое — разделение, которое озадачило бы римлян. Именно в процессе работы над той книгой я понял, что однажды мне придется написать книжку с таким же охватом материала об Августе: ведь никто еще не создал такого жизнеописания, какого он заслуживает. Существуют удачные трактовки различных аспектов жизни императора, отдельные блестящие краткие обзоры, однако нет работ, где была бы изложена вся его биография с должной подробностью. Серьезным недостатком тематического подхода является то, что в ходе дискуссий о политике, идеях или зрительных образах, использовавшихся режимом в своей пропаганде, может потеряться сам человек. В итоге слишком легко происходит переход от биографии молодого Августа к его зрелым годам, а потому остается непонятным, почему вначале он был одним человеком, а позднее становится другим. В случае с книгой «Цезарь: жизнь колосса» целью было написание такой работы, как если бы речь шла о современном государственном деятеле, в ней ставились те же вопросы, даже если источники с трудом могли дать ответы на них, и попытаться, насколько возможно, понять суть этого человека.

Меняющийся образ императора

Между тем понять, каким был подлинный Август, нелегко, и не в последнюю очередь из-за того, что в течение жизни он постоянно заботился об обновлении своего имиджа. В середине

IV в. н. э. император Юлиан, позднее сам присвоивший силой высший титул *августа* после того, как несколько лет носил титул цезаря, младший в рамках тогдашней императорской системы, написал сатиру, где изображал пиршество, во время которого боги приветствуют обожествленных правителей Рима. Среди них мы видим и Августа, однако последний изображен как человек странного, неестественного поведения, постоянно меняющий окраску подобно хамелеону в зависимости от позиции окружающих. Лишь под влиянием философии он становится добрым и мудрым правителем¹.

Август знал о том, какой репутацией пользуется в обществе, однако все римские политики при каждом удобном случае рекламировали заслуги и достижения — как собственные, так и своих фамилий. Марк Антоний до сих пор пользуется репутацией опытного и способного военачальника, которой гораздо более обязан пропаганде, нежели действительному боевому опыту и способностям. В этом смысле Август выделяется на общем фоне, поскольку он имел гораздо больше времени для того, чтобы распространять представления о себе и видоизменять их, а также намного больше возможностей для этого, нежели кто-либо другой. От Августа до нас дошло больше изображений, чем какого-либо иного персонажа древней истории. После битвы при Акции стало особенно трудно проникать взором созданный им образ и понимать, что же он за человек на самом деле. Тем не менее в нашем распоряжении достаточно рассказов о его семейных делах и образе жизни, немало историй бытового характера, а также целая коллекция острот, изреченных им самим или относившихся на его счет. Материала такого рода об Августе гораздо больше, нежели о Цезаре или почти любом другом персонаже римской истории. Однако стоит соблюдать осторожность, поскольку такие с виду «естественные» моменты давали возможность для игры на публику, ибо общественная жизнь в Риме носила во многом театрализованный характер. Жизнь римских политиков протекала у всех на виду, и Август страстно желал казаться образцом надлежащего поведения в частной жизни так же, как и при исполнении общественных обязанностей. То, что связано с ним, как правило, не следует воспринимать за чистую монету.

¹ Юлиан. Пир, или Цезари. 309 г. до н.э. Краткую дискуссию по этому поводу см.: К. Galinsky, *Augustan Culture* (1996), p. 373.

Возможно, нам следует начать с основополагающего вопроса о том, как называть его, учитывая, что даже Шекспир использует для него различные имена в своей пьесе. Сейчас нашего героя принято называть Октавианом применительно к периоду до 27 г. до н.э., а после этого — Августом, избегая имени Цезаря, чтобы не спутать его с Юлием Цезарем. Между тем, очевидно, что это серьезная ошибка, из-за которой усиливается разделение между кровожадным триумвиром и выдающимся государственным деятелем и правителем. Имена много значили в римском мире, да и в более позднее время, если мы вспомним о живучести имени Цезаря в титулах «кайзер» и «царь». Марк Антоний насмеялся над юным Августом как над «мальчишкой, у которого только и есть, что имя» именно потому, что благодаря имени Цезаря юнец обретал вес, которого никаким другим способом добиться не мог. Именно поэтому Август никогда не называл себя Октавианом, и если мы называем его так, а не Цезарем, то это затрудняет понимание событий тех лет. Важно знать, как он называл себя на каждом этапе жизни, поэтому в следующих главах я всегда буду именовать его соответствующим образом (само деление книги на главы проведено с опорой на тот же принцип). Диктатора я всегда буду называть Юлием Цезарем, и во всех случаях, где в тексте упоминается Цезарь, имеется в виду Август.

Сложности порождает не только его имя. Латинское слово *imperator*, от которого происходит наше «император», имело во времена Августа другой смысл, нежели в наши. Сам он называл себя *princeps*, что подразумевает первого или указующего путь гражданина, и именно так воспринимали его другие римляне. Если мы будем называть его императором, то привнесем понятие, чужеродное его режиму — понятие, порожденное ретроспективной оценкой событий, знанием того, что в течение многих столетий Рим будет монархией. Поэтому кроме как во введении и заключении я нигде не буду называть Августа императором, хотя иногда и использую этот термин в отношении его преемников. Аналогичным образом я называю созданный им режим не империей (поскольку под властью республики также находилась заморская империя), а принципатом — термином, близким ученым, но редко встречающимся за пределами академической среды.

Еще одно непростое слово с латинскими корнями — республика, происходящее от *res publica*, «общее дело» или «держава».

Именно так называли свое государство римляне, однако оно не несет специфического оттенка, присущего нашему термину «республика». Стоит ли совершенно избегать его? Но как тогда нам называть политическую систему, с помощью которой управлялся Рим до тех пор, пока она не рухнула в I в. до н.э.? Однако я попытался избежать современной тенденции называть республиканцами противников Юлия Цезаря и триумвиров, поскольку это ошибочно превращает в нечто единое то, что в действительности распалось на различные группы с неодинаковыми взглядами и целями. Этот термин также придает легитимность многому из того, что ее не заслуживает — во многом подобно тому, как использование имени «Октавиан» дарует посмертную победу Марку Антонию. (В вопросах точности существуют пределы, а потому я использую слова «июль» и «август» даже применительно к тем временам, когда они еще не вошли в обиход, поскольку лишь немногие читатели знают, что эти месяцы назывались квинтилием и секстилием.)

При обсуждении различных вопросов я буду стремиться к объективности, которая может показаться излишней, когда речь идет о конфликтах и спорах двухтысячелетней давности, однако история легко возбуждает эмоции и даже наиболее трезвые и серьезные ученые от них не свободны. Юлий Цезарь часто вызывал подобострастное поклонение и жгучее отвращение, примерно то же самое можно сказать и об Августе. В XIX столетии (и не только) его нередко восхваляли за исцеление недугов, которыми страдала агонизировавшая республика, и дарование римлянам мира, стабильности и процветания щедрым монархом. В эпоху, когда короли и империи господствовали в Европе и большей части мира, такие представления доминировали. Ситуация изменилась в XX в., когда мир охватили потрясения, а старые истины поблекли. Наиболее авторитетная трактовка содержалась в фундаментальной книге Рональда Сайма «Римская революция», впервые увидевшей свет перед самым началом Второй мировой войны. Вполне сознательно отказавшись рассматривать приход к власти Августа как нечто положительное и новаторски применяя просопографический метод — исследование видных фамилий и отношений внутри аристократии, — он изобразил эту эпоху как время возвышения нового вождя и его группировки, подавляющих старую элиту. За всем этим вырисовывались призраки диктаторов того времени — бо-

лее всего Муссолини, который сознательно подражал *dux*'у¹ Августу, называя себя *Il Duce*, а своих сторонников — фашистами (от латинского слова *fascis* — связки прутьев вокруг топора, символизировавшего власть римского магистрата). Сегодняшний читатель скорее вспомнит приход к власти куда более зловещего национал-социализма в Германии или тоталитарного режима Сталина².

Современный мир стал относиться с большим подозрением к диктаторам любых политических оттенков, а потому не склонен снисходительно оценивать сопровождавшееся немалыми жестокостями возвышение Августа, оправдывая его миром, который тот в конце концов установил. Однако нам следует проявлять осторожность и не смотреть на прошлое слишком просто, автоматически считая, что все диктаторы, все империи или действительно все государства по существу одинаковы. Август убил много людей, но он не принес страданий, подобных тем, которые мир претерпел от Гитлера или Сталина, и мы должны, как всегда, рассматривать его поведение в контексте времени. В своем стремлении убивать своих недругов он был не лучше и не хуже других военачальников, действовавших в то время. Юлий Цезарь поступил иначе: он помиловал Брута, Кассия и нескольких других людей, которые позднее предали его смерти, — факт, которым прежде всего руководствовались Август, Антоний и Лепид при составлении списков своих врагов, подлежавших уничтожению.

Если вы скажете о ком-то: «Ну, он был не так уж плох по сравнению с Гитлером...», то вряд ли это будет означать большую похвалу. Если вы скажете, что некто был не хуже своих соперников, оценка окажется лишь немногим выше. Но знание о том, что добившийся успехов политик имел недостатки, не должно побуждать нас закрывать глаза на недостатки этих самых соперников. Сайм был слишком хорошим ученым, чтобы допустить подобный просчет, хотя по отношению к Антонию он проявлял излишнюю снисходительность, а по отношению к сторонникам Августа — намеренную строгость; в особенности это касается

¹ *Dux, ducis (лат.)* — вождь, предводитель, полководец.

² Полезный обзор мнений историков см.: Z. Yavetz, 'The *Res Gestae* and Augustus' public imagin F. Millar & E. Segal (eds), *Caesar Augustus. Seven Aspects* (1990), p. 1–36, особ. p. 22–26, а также J. Edmondson (ed.) *Augustus* (2009), p. 14–26.